

Какой же он позёр!

Юэ Бочжи стоял неподвижно, подобно застывшей бездне, и не произносил ни слова.

Снег на нефритовых ступенях отражал утренний свет, слепя глаза. Чжан Юаньшань не смел поднять взгляд на Юэ-цзуня и лишь поспешно зажмурился, склонив голову ещё ниже.

Юэ Бочжи по-прежнему молчал, не двигаясь с места.

Но незримое давление, волна за волной, накатывало на Чжан Юаньшаня, грозя поглотить его.

Тишину нарушил сдавленный стон Те Хэнцю.

Он вскрикнул от боли и, с трудом опираясь на руки, сел. На плече атели пятна — то ли кровь, то ли опавшие лепестки сливы.

Те Хэнцю опустил голову и поклонился. Лицо его скрылось в тени, но голос звучал хрипло и слабо: «Приветствую Юэ-цзуня. Ученик не хотел ломать вашу красную сливу... Просто... просто старший брат Чжан без всякой причины хотел лишиться меня жизни. Я получил ранение и, не удержавшись, упал, повредив ваше дерево».

«Без всякой причины? — тут же возразил Чжан Юаньшань. — Я исполнял приказ поймать преступника, как ты смеешь изворачиваться!»

«Если ты исполнял приказ, почему сразу нанёс смертельный удар и требовал, чтобы я признал вину?» — Те Хэнцю поднял голову, его взгляд, подобно факелу, впился в Чжан Юаньшаня. Голос его был слаб, но каждое слово звучало твёрдо.

Чжан Юаньшань на мгновение потерял дар речи, его лицо изменилось — обвинение попало в цель.

Понимая, что он неправ, он поспешно сменил тему: «У Зала Правосудия свои методы! А вот ты — почему ты летел напрямик к Павильону, где слушают снег? Уж не замыслил ли ты оскорбить Юэ-цзуня!»

Обвинение звучало абсурдно, но он попал в точку.

Те Хэнцю именно на это и рассчитывал.

Юэ Бочжи не шелохнулся.

А Те Хэнцю уже заготовил ответ: «Ещё до того, как ты начал меня преследовать, я уже летел к Пику Ста Чжанов».

Услышав это, Чжан Юаньшань счёл, что поймал его на лжи, и повысил голос: «Вся школа знает, что Юэ-цзунь живёт в уединении и не терпит посторонних. Лететь к его пику на мече — само по себе дерзость!»

Его слова прозвучали веско, словно вина Те Хэнцю была уже доказана.

Однако тот не выказал ни малейшего беспокойства. С искренним видом он произнёс: «Юэ-цзунь, будьте свидетелем, ученик пришёл сюда, чтобы поблагодарить вас за спасение в тайном царстве». С этими словами он медленно достал из-за пазухи небольшой свёрток и почтительно протянул его на обеих руках. «Юэ-цзунь — личность благородная, у вас несметные сокровища. Ученик же беден и не может предложить ничего ценного...»

При этих словах Чжан Юаньшань замер, такого он не ожидал. «Точно, Юэ-цзунь ведь спас его в тайном царстве. Неужели он и вправду как-то по-особому относится к Те Хэнцю?»

Чжан Юаньшань с любопытством вытянул шею, пытаясь разглядеть, какой же дар приготовил Те Хэнцю, и сможет ли он растопить сердце такого холодного человека, как Юэ Бочжи.

Но, увидев содержимое свёртка, он мысленно рассмеялся. «Как убого!»

Те Хэнцю осторожно развернул ткань. Внутри лежало несколько десятков круглых, изумрудно-зелёных семян лотоса ледяной души, кристально чистых и источавших тонкий аромат.

Те Хэнцю опустил взгляд: «Ученик видел, что Юэ-цзунь любит семена лотоса, и потому отправился к Летнему лotosовому пруду, чтобы собрать их. Надеюсь, Юэ-цзунь не побрезгует».

«Нищий выскочка, он и есть нищий выскочка, — с презрением подумал Чжан Юаньшань. — Больше ничего и не мог придумать! Даже получив такой шанс сблизиться с Юэ-цзунем, он не смог им воспользоваться!»

Ткань в руках Те Хэнцю уже пропиталась кровью.

Он с горькой усмешкой опустил голову: «Только вот, к несчастью, я испачкал их!»

С этими словами он снова сильно закашлялся.

Боясь запачкать семена, он поспешно отвернулся и прикрыл рот рукавом.

«...Какой же позёр», — подумал Юэ Бочжи.

Чжан Юаньшань холодно усмехнулся. «Кто не знает, что сердце Юэ-цзуня холоднее льда? Неужели он думает, что, притворившись несчастным, заслужит его сочувствие? Как смешно».

Он не удержался от сарказма: «Младший брат Те, раны у тебя, похоже, серьёзные. Лучше пойдём со мной, не будем отнимать время у Юэ-цзуня».

Те Хэнцю, конечно, знал, что Юэ Бочжи славится своим каменным сердцем, холодностью и равнодушием.

Но он всё же чувствовал, что отношение Юэ Бочжи к нему смягчилось, стало иным.

То спасение в тайном царстве, хоть и было мимолётным жестом, дало Те Хэнцю надежду.

Он хорошо понимал одну вещь: тот, кому ты помог, не обязательно поможет тебе в будущем.

Но тот, кто помог тебе однажды, скорее всего, поможет и во второй раз.

Юэ Бочжи уже спас его, а значит, ему небезразлична его судьба — по какой бы то ни было причине.

Поэтому он и решил рискнуть, проверить, поможет ли Юэ Бочжи снова.

Конечно, если Юэ Бочжи решит остаться в стороне, Те Хэнцю не станет покорно ждать смерти.

Он уже оценил силу Чжан Юаньшаня.

Тот был и в десятую долю не так силён, как Хай Цюншань.

По пути назад Те Хэнцю найдёт способ устроить так, чтобы Чжан Юаньшань «случайно упал и разбился».

Духовная кость меча Чжан Юаньшаня его не интересовала, так что можно было просто стереть его в порошок.

Но сейчас, под сломанной сливовой ветвью, Те Хэнцю был лишь слабым и беззащитным беднягой.

Он стоял на коленях в луже крови, на шее, испачканной кровью, прилипло несколько влажных от талого снега лепестков красной сливы.

Сломанные ветви дерева косо свисали над ним, талая вода капала ему на плечи, пропитывая одежду. Выл холодный ветер, взметая снег и делая его фигуру ещё более хрупкой.

Чжан Юаньшань стоял рядом и холодно наблюдал. «Я совершенствуюсь уже пятьсот лет, но никогда не видел такого позёра! Разве мечники не должны быть аскетичными и стойкими? Как можно так играть на публику! Сцены ещё нет, а он уже всю разыгрывает драму!»

Тем временем Те Хэнцю, склонив голову, произнёс: «Ученик невиновен. Семена лотоса ледяной души нужно собирать до восхода солнца. Я всю ночь готовил для Юэ-цзуня этот дар, как я мог совершить убийство? Прошу Юэ-цзуня рассудить!»

Услышав это, Чжан Юаньшань холодно усмехнулся: «Младший брат Те, как легко ты говоришь! Ты утверждаешь, что собирал семена лотоса, но кто это видел?»

«А кто видел, что я совершал убийство?» — парировал Те Хэнцю.

«Свидетели найдутся», — уверенно ответил Чжан Юаньшань. Лжесвидетельства были их сильной стороной.

Те Хэнцю всё понял. «Семена лотоса ледяной души нужно не только собрать до восхода, но и немедленно обработать, иначе они потеряют свою силу. Я всю ночь занимался этим и закончил лишь перед рассветом. У меня просто не было времени на преступление».

Чжан Юаньшань холодно рассмеялся: «Но кто может доказать, что ты всю ночь обрабатывал семена? Кто докажет, что ты никуда не отлучался?»

Они спорили, напряжение нарастало. Чжан Юаньшань наступал, а Те Хэнцю, хоть и был слаб, не уступал ни на шаг. Их голоса эхом отдавались в сливовой роще, и от этого снег на ветвях начинал осыпаться.

В этот момент Юэ Бочжи холодно произнёс: «Шумно».

Всего два слова, словно ушат ледяной воды, мгновенно погасили разгоравшийся конфликт.

Чжан Юаньшань и Те Хэнцю тут же замолчали, боясь издать хоть звук, даже дышать стали тише.

Юэ Бочжи окинул их ледяным взглядом. Хоть он и не сказал больше ни слова, от его взгляда бросало в дрожь.

«Ученик был невежлив, прошу Юэ-цзуня наказать меня», — поспешно склонился Чжан Юаньшань.

«Ученик признаёт свою вину, прошу Юэ-цзуня наказать меня», — слабо, но почтительно произнёс Те Хэнцю.

«Я никогда не вмешиваюсь в такие дела», — холодно ответил Юэ Бочжи.

Услышав это, Чжан Юаньшань вздохнул с облегчением. «Конечно, Юэ-цзунь всегда был холоден и не интересовался подобными мелочами. Раз так, у Те Хэнцю нет ни единого шанса».

Он тут же выпрямился: «В таком случае, я забираю его в Зал Правосудия».

Сердце Те Хэнцю упало. Не из-за своей судьбы, а от горького осознания: «Сердце Юэ-цзуня по-прежнему холодно».

«Бедный Чжан Юаньшань, — подумал он, — скоро от него и мокрого места не останется. Эх, грех-то какой».

Чжан Юаньшань с довольным видом поднялся, чтобы схватить Те Хэнцю.

А Те Хэнцю уже прикидывал, где бы получше спрятать труп.

Но тут Юэ Бочжи произнёс: «Я сказал, что дела Зала Правосудия меня не касаются. Меня волнует лишь сломанная сливовая ветвь».

Чжан Юаньшань замер, улыбка застыла на его лице. Он стоял, не зная, что ответить.

В этот миг сломанная ветвь на земле вдруг сама собой взлетела в воздух и, словно стрела, вонзилась в руку Чжан Юаньшаня.

Раздался глухой звук, и половина ветви прошла сквозь его предплечье.

Кровь тут же хлынула, окрашивая рукав в алый цвет.

Чжан Юаньшань глухо застонал, его лицо мгновенно побледнело, а в глазах застыл ужас.

Он схватился за раненую руку. «Но ведь это не я сломал ветвь! За что мне это?!» — не мог поверить он.

Но в мире совершенствующихся прав тот, кто сильнее, и он не смел возражать.

Преодолевая боль, Чжан Юаньшань ударился лбом о снег: «Прошу прощения, Юэ-цзунь!»

«Эта слива была пересажена из Восточных земель, касающихся облаков, — произнёс Юэ Бочжи. — До седьмого числа следующего месяца принесёшь взамен столетнее дерево».

Чжан Юаньшаня трясло от боли, к горлу подступила кровь, но он мог лишь снова поклониться: «Ученик немедленно исполнит». Поднимая голову, он бросил на Те Хэнцю полный ненависти взгляд и процедил сквозь зубы: «Но тот, кто сломал дерево...»

«Похоже, Юэ-цзунь очень дорожит своими деревьями, — подумал Чжан Юаньшань. — Если уж мне, случайному прохожему, проткнули руку, то что же будет с главным виновником? Ему-то уж точно не сносить головы».

Юэ Бочжи перевёл взгляд на Те Хэнцю: «Ты останешься и уберёшь здесь всё».

Услышав это, Те Хэнцю просиял и поспешно кивнул: «Ученик повинуется».

Чжан Юаньшань побледнел и открыл рот: «Уберёшь? И это всё? Но ведь дерево сломал он, почему ранили меня!»

Сердце его пылало от гнева, но под давлением Юэ Бочжи он не смел возразить и, понурившись, ушёл.

После ухода Чжан Юаньшаня Те Хэнцю словно обмяк, его спина ссутулилась, и он съёжился, став похожим на скомканный лист старой бумаги.

Юэ Бочжи посмотрел на него с раздражением, решив, что тот слишком уж переигрывает.

«К полудню чтобы всё было чисто», — холодно бросил он.

«Слушаюсь, Юэ-цзунь!» — ответил Те Хэнцю.

Юэ Бочжи окинул взглядом раны Те Хэнцю: «И кровь тоже убери».

Те Хэнцю опустил голову и вдруг услышал лёгкий хлопок. На снег, в небольшую ямку, упала коробочка с лекарством от ран.

Он замер и поднял глаза на Юэ Бочжи, но тот уже отвернулся и уходил, его спина была как всегда холодной и гордой.

Алая птица, скучая, пролетела мимо и села на ветку красной сливы. Она склонила голову набок и посмотрела на дрожащего Те Хэнцю.

«Наверное, ему очень больно, — подумала она. — Бедняга, чжи-чжи».

Но с её ракурса была видна лишь сгорбленная спина Те Хэнцю, и она не заметила улыбки, что пряталась в тени.

Ресницы Те Хэнцю, испачканные кровью, дрожали, кадык дёрнулся, словно он сглотнул какой-то сладкий яд.

«...Юэ Бочжи, ты начинаешь меня видеть».

<http://bllate.org/book/16975/1586928>